

DOI 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-75-102

УДК 314.748

А. Кузумано

Университет Палермо

Мадзара-дель-Валло (Трапани), Италия

ORCID: 0000-0002-3202-8951

E-mail: antoninocusumano50@gmail.com

Сицилия как часть Средиземноморья и ретикулярное пространство циркулирующих миграций

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена судьбе Сицилии как составной части Средиземноморья (в историческом, географическом, культурном, этническом, демографическом смысле). В традициях школы «Анналов» и с позиций исторической антропологии автор, апеллируя к прошлому Европы, преимущественно к эпохе раннего Средневековья, сквозь призму исторической философии рассматривает развивавшиеся по схемам и маршрутам циркулирующих кочеваний процессы традиционной контактности как ретикулярного явления в средиземноморском регионе, подвергая сравнительному анализу современные миграции и перемещения компактных групп населения в прошлом и с помощью их сопоставления выявляя специфику современного международного мультиэтнического и поликонфессионального миграционного феномена. Особое внимание уделяется взаимоотношениям христианского мира (в частности, Сицилии) с миром ислама (государствами Магриба и Ближнего Востока), которые в исторической ретроспективе предстают значительно более взаимотолерантными и созидательными, нежели предельно политизированные радикальные их взаимоотношения сегодняшнего дня. Автор рассматривает также деформацию феномена миграции, который воспринимается зачастую не как объективное явление, всегда присущее Средиземноморью, специальное внимание уделяет он и субъективной «подаче» феномена миграции в свете современных политических процессов в Европе и мире, изменению его информационной интерпретации, подаваемой общественному мнению с позиций национализма и радикального этно- и национацентризма, занимаемых лидерами многих европейских государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Средиземноморье, Сицилия, мигранты, мультикультурализм, этническое и культурное взаимодействие, мигранты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кузумано А.

Сицилия как часть Средиземноморья и ретикулярное пространство циркулирующих миграций. *Этнография*. 2021. 1 (11): 75–102. doi 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-75-102

A. Cusumano

University of Palermo

Mazzara del Vallo, Italy

ORCID: 0000-0002-3202-8951

E-mail: antoninocusumano50@gmail.com

Sicily as Part of the Mediterranean and the Reticular Space of Circular Migrations

ABSTRACT. The present article is devoted to the fate of Sicily as an integral part of the Mediterranean, including in the historical, geographical, cultural, ethnic, and demographic sense. In the tradition of the “Annals” school and from the standpoint of historical anthropology, the author, appealing to the past of Europe, mainly to the early middle Ages, through the prism of historical philosophy, examines the processes of traditional contact as a reticular phenomenon that developed along circular schemes and routes in the Mediterranean region, subjecting a comparative analysis of modern migration and movement of compact population groups in the past and, by comparing them, identifying the specifics of the modern international inter-ethnic and poly-confessional migration phenomenon. Special attention is paid to the relations of the Christian world, in particular, Sicily, with the world of Islam, the States of the Maghreb and the Middle East — which in historical retrospect appear much more mutually tolerant and creative than the extremely politicized radical relations between them in the light of today; attention is also paid to the deformation of the phenomenon of migration not as an objective phenomenon, always inherent in the Mediterranean, but its subjective “presentation” in the light of modern political processes in Europe and the world, changing its information interpretation, presented to public opinion, from the positions of nationalism and radical ethno- and national-centrism, occupied by the leaders of many European States.

KEY WORDS: Mediterranean, Sicily, migrants, multiculturalism, ethnic and cultural interaction, migrants

FOR CITATION: Cusumano A. Sicily as Part of the Mediterranean and the Reticular Space of Circular Migrations. *Etnografia*. 2021. 1 (11): 75–102. (In Russ.). doi 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-75-102

Что только не говорили про Средиземное море и Средиземноморье. Как только его не называли и не представляли. Слово и концепт, требующие осмысления, идеологическая парадигма, универсальный теоретический ключ, поле и модель приложения различных методологий и интерпретаций, область и объект сравнения, воображаемый топос, ключ к пониманию политических процессов, лаборатория культур. Кажется, чего только не было, что только не осело и не улеглось в этом *Mare Internum* (Внутреннем море), как называли его римляне. В его водах сошлись и перемешались история и миф, реальные воспоминания и утопии. «Море взаимобмена культур и религий» — так определял эту территорию известнейший итальянский социолог Франко Ферраротти, — место, в котором с незапамятных времен взрастала и развивалась живая, многозначная и многоязычная человеческая цивилизация» (Ferrarotti 2020).

Философы, историки и антропологи уже давно пытаются выявить и очертить границы Средиземноморья, дать определение средиземноморской идентичности, описать характеристики этой территории, изучить ее структуру, границы и внутреннюю динамику. Гегель в этом море, ставшем «осью мировой истории» и своего рода «пупом земли», вокруг которого располагались все великие античные государства, увидел знак и дух Запада (Hegel 1994: 234). В своих исследованиях и дискуссиях, посвященных Средиземноморью, ученые с давних времен упражняются в поиске и общих черт, которые удостоверяли бы единство средиземноморской культуры, и специфики этого пространства, обеспечивающей его узнаваемость.

Историки (достаточно упомянуть хотя бы двух выдающихся ученых XX в. — Ф. Броделя и британского медиевиста Д. Абулафию) реконструировали основные средиземноморские маршруты и направления миграций, политические и военные события, определив решающий вклад приморских городов и народов моря в длительные временные процессы и в формирование того, что можно было бы назвать прототипом глобализации. Широкомасштабные построения и образные описания раскрывают и объясняют всю сложность этого мира, или макрокосма, который благодаря экологическим и антропологическим факторам сформировал и вместил в себя множество цивилизаций, культур и людей. Это целая вселенная, объединившая в общем географическом измерении, ограниченном морем, истории и земли разных народов, живущих между Африкой, Азией и Европой. Три континента и между ними — один большой мост, который проходил по оси «Восток — Запад» и способствовал распространению товаров и технологий, знаний, религий, языков. Но не сами воды моря, а их движение, волны, обеспечивающие выход в открытое море и перемещающие людей и суда вдоль берегов, способствовали контакту между культурами и их преобразованию.

Иными словами, именно путешествующие по морю — торговцы, моряки, рыбаки — выстроили цепочку связей между различными прибрежными городами и народами этого моря. Именно они вызвали к жизни тот «семейственный дух», который ощущается в портах, омываемых Средиземным морем, именно они породили ту игру полунамеков или скрещенных взглядов, которые хорошо описывают «систему дополнительных различий» (Bromberger 2012: 103).

На этой территории, унаследованной от Римской империи под названием *Mare Nostrum* или *Mare Internum* (Наше море или Внутреннее море), так и не сформировалось органичного политического и культурного единства. Олицетворяя собой границу между православием и конфессией, появившейся вследствие религиозного раскола, будучи центром политических и военных конфликтов, театром, на сцене которого разворачивались пиратские войны и торговля рабами, колониальные завоевания и борьба за свободу, Средиземноморье претерпело процессы прерывания традиции, пережило сильные потрясения и драмы, оставившие свои отметины. Это море, которое сегодня кажется нам узким и закрытым, когда-то было огромным безбрежным миром. «Средиземноморье Августа и Антония, — писал Ф. Бродель, — а также море, которое бороздили крестовосцы и флот Филиппа II, было в сто тысяч раз больше, чем представляется сегодня, когда мы пересекаем его на самолете или корабле» (Braudel 1992: 31–32). Поэтому, говоря о Средиземноморье с исторической точки зрения, не стоит забывать о его подлинных размерах, необходимо постоянно помнить о его безбрежности. В прошлом это была целая вселенная. Благодаря своей безграничности она включала в себя «множество множеств» и «единство единств» — союзы, богатые древние империи и священные земли с таинственными культами, великие торговые пути и житницы, земли с виноградниками и оливковыми рощами, портовые города и деревни, горы и пустыни.

Англоязычные антропологи, одними из первых начавшие изучение средиземноморских обществ в 1950-е г. (О. Питт Риверс, Р. Редфилд, Р. Дэвис, Э. К. Банфилд), передали нам культурный стереотип «средиземноморскости», основанный на понятиях чести и стыда, семейственности и фаворитизма, родства и покровительства. Особое внимание они обращали на жизнь небольших сообществ, выстроенную по принципу бинарных оппозиций: общее/частное, центральное/периферийное, современное/архаичное. Подобные исследования задали ориентиры, полезные для изучения реальности, которая, однако, является более сложной и противоречивой, чем можно себе представить, если опираться только на этноцентрические схемы и обобщающие расхожие стереотипы видения и интерпретации концепта «этнос». Более того, часто «другой» — понятие, которое ввели антропологи, и фигура, которую они якобы видели и пытались описывать, — на самом деле оказывался отражением перевернутого в их

сознании образа, ложным и искаженным представлением о сообществах, которые они считали монолитными, но которые на практике оказались более многослойными и гетерогенными. Эти общества осуждались и по отношению к ним применялись такие эпитеты, как застойные, неподвижные и аморальные, в то время как они просто развивались в различных временных, этических и культурных рамках. Совсем недавно подобные тезисы были опровергнуты благодаря сравнительному анализу и стали очевидны хрупкость и пристрастность идеи этнической принадлежности, особенно применительно к территории, где наблюдается сильная и постоянная циркуляция народов и где происходит интенсивный экономический и культурный обмен. После того как критерии анализа подверглись глубокому критическому переосмыслению, образ того Средиземноморья, которое представало единым и однородным в свете сильно мифологизированной и идеализированной концепции идентичности, оказался во многом развенчан (хотя антропологи иногда по-прежнему оперируют им), а регион на деле обнаружил свою более сложную для определения и изучения природу.

Так что же есть Средиземноморье? Казалось бы, я знаю ответ на этот вопрос, но если бы кто-нибудь обратился ко мне за точным определением, я затруднился бы дать его. Вспоминая Святого Августина, вопрошавшего, что представляет собой время, нам легче было бы оправдать неполноту и неадекватность возможных ответов на вопрос о том, что же представляет собой Средиземноморье. Истина заключается в том, что средиземноморские жители, как правило, скорее назовут себя марсельцами или генуэзцами, чем французами или итальянцами, так как портовые города Марсель и Генуя в истории Средиземноморья и в жизни их населения являются полюсами мировоззрения, смысловыми ориентирами, главными узлами в сетке причудливых и разнообразных связей. Конечно, не география, а люди, их мобильность, их общительность, их деятельность способствовали определению того, что мы называем средиземноморской цивилизацией, поскольку «все идентичности, основанные только на географическом принципе, более хрупки, несмотря на доводы непреклонной риторики картографии» (Herzfeld 2007: 251), чем «самости», апеллирующие к культуре.

Нет ничего более географически определенного и, как ни парадоксально, более неуловимого, чем образ Средиземного моря, которое перестает быть просто морем. Трудно представить территорию, более насыщенную историческими, риторическими, литературными ассоциациями, стереотипами, мифами и противоречиями. Многозначное и полицентричное — в сложных и повторяющихся переходах от прилагательного к существительному, а затем снова от прилагательного до более позднего существительного «средиземноморскость» (итал. *mediterraneità*, исп. *mediterraneidad* и др.) — Средиземноморье увязывается со множеством

знаков и символов, экзотических взглядов, эстетических спекуляций и идеологических тезисов. То оно предстает метафорой и символом меридионального (южного) мышления, противопоставляемого современному атлантизму, то подается как отсталое общество, базирующееся на жестких, архаичных и ветшающих иерархичных конструктах, а на самом деле представляющее собой лабораторию для нового возрождения и своего рода плотину, сдерживающую гомологизирующие потоки глобализации и тем самым защищающую локальные культурные проявления.

В любом случае Средиземноморье, даже вне всяких грамматических или культурных контекстов, кажется отмеченным вечным и неизменным знаком судьбы и остается по преимуществу транзитной зоной, местом перегона скота, регионом изгнания и убежища, кочевания и прочих перемещений человека. Здесь вчера похоже на сегодня. Это не общее, а ответственное место. На этой территории как будто исчезает принадлежность к определенной группе, перемешиваются все старые добрые национальные идентичности, образуя лоскутное одеяло, состоящее из тысячи разноцветных переливающихся нитей.

«Средиземноморский мир — идеальный объект для изучения взаимоотношений, которые со временем сложились между этносами с разными религиями, языками, традициями. Немногие области в мире могут сравниться со Средиземноморьем в плане исторической значимости, неоднородности и сложности социального взаимодействия, которые обусловлены высокой степенью географической близости и мобильности средиземноморского мира» (Molho 2002: 29–30). На сухопутных и морских путях, объединяющих разные и противоположные берега и земли, встречались и до сих пор продолжают пересекаться новообращенные и отступники, переселенцы и коренное население, путешественники и контрабандисты, паломники и воины, миссионеры и разбойники. Речь идет о сложных и разнородных цивилизациях моряков, кочевников и мигрантов, о которых историки писали на удивление мало. Несколько лет назад историк Джузеппе Галассо справедливо признал: «Человеческие миграции в районе Средиземноморья изучены в целом меньше, чем торговые пути, навигация или перемещение других транспортных средств. О передвижении людей известно меньше, чем о распространении идей и религий, политических течений, взглядов и моделей поведения» (Galasso 2006: 209).

Тем не менее если и существуют отличительные особенности, структурный и структурирующий факторы, на основе которых можно очертить, охарактеризовать и определить средиземноморскую среду на протяжении длительного периода истории, их стоит искать в разнонаправленных и многовековых миграциях, в переплетении человеческих судеб и средиземноморской культуры, которая свела воедино северное и южное, восточное и западное побережья этого «жидкого материка», расположенного между тремя континентами. Древний перекресток цивилизаций, на

котором, как писал Бродель, «за тысячи лет собралось вместе все то, что усложнило и обогатило его историю» (Braudel 1987: 8). Сердце старого мира, бассейн Средиземного моря — «трещина в земной коре» — всегда был в центре циркуляции людей и товаров, технических изобретений и символов, религий и языков. Никакие другие ландшафты и географические ареалы не могут более полно представить парадигму человеческого взаимодействия, метафору путешествий и движения, первичность отношений и обмена. Земля и море образуют единое целое, физическую и антропологическую связь между многими, живущими здесь, и многими, обретающимися там.

Сместить взгляд с суши на море для обретения талассоцентрической перспективы означает поменять точку отсчета и признать важнейшую роль перемещений и миграций, будь они сезонными, циклическими или однонаправленными; но это также значит поведать истории путешественников, которые следовали по уже проложенным маршрутам, или рассказать об опыте первооткрывателей. Следовало бы уделить больше внимания не истории империй или великих морских держав, а жизни или, вернее, отдельным судьбам — иногда счастливым, иногда полным лишений или невероятных приключений, — которые люди проживали у моря или в море, покидая родные места и возвращаясь, работая или сражаясь, путешествуя или спасаясь бегством. Они отправлялись в плавание со своими языками, верованиями, обычаями, традициями, воспоминаниями, чтобы потом обменяться ими в порту с другими народами. Эти процессы не имеют ничего общего с утвердившимися и ныне политизированными концептами этноса и этнической принадлежности, в свете которых культуры предстают закосневшими, словно бы утратившими пластичность и подвижность моря.

Скорее не из-за дополнений, а ввиду смещений средиземноморскую культурную модель — если вообще уместно и возможно в этом случае говорить о модели — следует понимать как систему взаимовлияний и слияний, прививаний и контаминаций. Это привело к тому, что на берегах этого моря ни один человек, откуда бы он ни был родом, не ощущал себя чужим, потому что в этом месте все пейзажи как бы повторяют друг друга в некой игре физического, символического и чувственного преломления. «Культуры средиземноморских обществ, — писала антрополог Амалия Синьорелли, — являются культурами смешанного типа, созданными и воспроизведенными многовековым развитием отношений внутри самого Средиземноморья, но также эти культуры веками связаны и с более широкими системами отношений континентального, межконтинентального, мирового масштаба» (Signorelli 2007: 333). Именно поэтому, несмотря на все войны и расколы, этот небольшой участок моря по-прежнему сохраняет вечно живой дух космополитизма.

То, что динамика миграций является ведущим и основополагающим инструментом отношений между народами и способствует социальному и культурному взаимодействию, наглядно демонстрирует история Средиземноморья. Каждый исторический эпизод, пусть даже представляющий собой войну или политический конфликт, период напряженности и трений, насильственную колонизацию, задокументирован в торговых договорах, отобразился в торговых кампаниях по экономическому сотрудничеству и в смешанных браках, а также породил многонациональные сообщества. «Это море — как говорил философ и культуролог М. Каччари — есть архипелаг, если исходить из древнего понятия этого слова в его античном значении [др.-греч. *ἀρχιπέλαγος* — ‘главное море’. — *Прим. авт.*] — представляет собой исключительно место соприкосновения, диалога, обмена между многочисленными входящими в его состав островами, на которых все определяется морем и неразрывно связано с морем, все питается от моря и подвергается опасности в море» (Cacciari 1997: 16).

Более того, еще Бродель отмечал, что в Средиземном море исторически превалировало продвижение вдоль береговой черты, от мыса к острову, от острова к мысу, и в этом смысле оно представляет собой море, идеальное для каботажного плавания от порта к порту, что способствовало формированию мозаики многокультурных обществ, которым суждено было жить, веками смешиваясь между собой. «Море, — пишет философ Катерина Реста, — находится в постоянном диалоге с землей, которая граничит с ним, окружает его, контролирует и сдерживает его, вторгается в него своими мысами, врзается в него своими бухтами и заливами, рассеивает по нему свои острова и полуострова» (Resta 2012: 22).

Парадоксальным образом суть предполагаемой идентичности Средиземноморья, зиждущейся на плотной сетке различий, а не на простом наложении сходств, состоит, вероятно, именно в том, что она с точки зрения своего состава и составляющих не идентична самой себе. Поясним: сущность единства этого ареала определяется не только географическим положением и близостью земель и островов, но также и прежде всего результатами пересечений и взаимодействий, складыванием и распадом торговых союзов и культурными взаимовоздействиями, личными человеческими контактами, чем встречами цивилизаций, непрекращающимся движением, которое в контексте той древней и примитивной глобализации очертило широчайший круг траекторий и маршрутов, глубоко пересекло воды этого внутреннего моря и повлияло как на жизнь отдельных людей, так и на судьбы целых городов и сообществ. Начиная с эпохи Гомера торговцы, путешествовавшие по морям, и переселенцы, вышедшие в море, чтобы основать в новых землях аграрные колонии, всегда поддерживали тесные связи между собой, подпитывали деятельность друг друга.

Очевидно, никто другой, кроме Одиссея, не являет собой более яркого воплощения беспокойного духа странствий, образа средиземноморского человека с его отвагой и хитроумием, ностальгией и изобретательностью, скитаниями между возвращением и отправлением в путь, колебанием между желанием сняться с якоря или остаться дома. «Скитания Улисса между сушей и морем — поистине средиземноморское путешествие, это грандиозная эпопея об изрезанных берегах и мысах Средиземноморья, его бухтах и проливах, буйной растительности островов, от Огигии, острова Калипсо, до Схерии, земли блаженных феаков, Сицилии или собственно Итаки, если перечислить самые известные из них» (Resta 2012: 26). Вечное возвращение в уже знакомые воды и привычные порты противопоставляет Средиземноморье зову неизведанных и новых путей, который влечет к границам Атлантики, «в открытое море». Если отвлечься от мифа и бросить пристальный взгляд за пределы страниц величайшего романа, созданного Гомером, путешествие между берегами Средиземного моря — это всегда кругосветное плавание, даже когда маршрут соединяет близкие или далекие города и берега. «Средиземное море, — писал Бродель, — это совокупность морских и сухопутных маршрутов, тесно связанных друг с другом, и, следовательно, совокупность городов, которые все, от самых маленьких до средних и самых крупных, “держатся за руку”. Дороги и еще раз дороги, точнее, целая система движения и циркуляции. Именно с помощью этой системы мы можем понять Средиземноморье, которое в полном смысле этого слова можно определить как пространство-движение» (Braudel 1992: 51).

Чем бы ни были миграции в Средиземном море — драматической диаспорой в первоначальном значении слова, то есть «рассеянием», или героическим приключением, побегом или пересечением границы, переездом семьи или личным поиском удачи — они по своей природе представляют совокупность трансконтинентальных опытов, процессы формирования транспортных узлов и мостов, которые соединяют страну отправления и страну прибытия, различные точки на противоположных берегах, сплетая все в меняющийся клубок путей и гаваней, связей и сетей. По мнению хорватского писателя П. Матвеевича, мигранты в большей степени ощущают свою принадлежность не к нациям, а к городам, отдельным общинам происхождения и расселения, и, несмотря на географическую удаленность этих точек и их различия, именно через них мигранты общаются, сплываются и объединяются. Отсюда проистекает формирование смешанных идентичностей, обычно определяющихся характеристикой, которая сопровождала миграционные процессы многих средиземноморских народов (Matvejevic 1991: 42).

Фигура *Homo viator*, или человека-путника, который сегодня более или менее полно идентифицируется с понятием «трансмигрант», — это фигура того, кто в современном контексте будто бросает вызов границам,

чтобы занять некое промежуточное место между ними, где-то посередине, образно говоря, *in betwixt and between*, вернее — в особом пограничном состоянии, характеризующемся взаимозависимостью и принадлежностью к нескольким местам жительства. Данный образ, который ученые позаимствовали в эпоху так называемого постмодернизма, возможно, обусловлен исторической моделью средиземноморских миграций, перемещений людей, движимых неукротимым желанием к перемене мест, тех людей, которые никогда не переставали быть проводниками и участниками своего рода «народной глобализации». Конечно, сегодня доступность средств связи и транспорта, технологические инновации и расширение международного рынка труда привели к росту скорости и сокращению времени перемещений, значительному увеличению широты контактов и возможностей обмена, широко распространенной практике кочевого образа жизни и транснационализма. Однако создается впечатление, что в истории Средиземноморья все это уже происходило, что в человеческой и культурной лаборатории этого региона выявляются связи, которые объясняют и соединяют в одном и том же пространстве и в одно и то же время *nostos* и *exodus* (возвращение и исход), эмиграцию и иммиграцию, влияние прошлого и тенденции настоящего.

Не являясь ни осью мира, ни колыбелью высших цивилизаций, но представляя собой великий межконтинентальный горизонт, лишенный радиана и единого центра, Средиземноморье знакомо в прошлом и настоящем с явлениями, которые сегодня привлекают внимание социологов, дебатирующих о культурных эффектах современной мобильности и формировании идентичностей различных диаспор. Если география миграций выходит за пределы евклидовых пространственных категорий, если перемещения осуществляются не в один конец или не по одной траектории, а представляют собой запутанную сеть плотных связей, некую систему, которая связывает даже отдаленные населенные пункты и сообщества и процесс идентификации сложных и неоднородных по этническому составу групп, тогда перечитывание средиземноморского опыта может помочь нам не только вспомнить прошлое, но и понять, переосмыслить и пересмотреть современные теории и практики со всеми их мультикультурализмами, гибридизмами, синкретизмами, космополитизмами и т. д.

Истина заключается в том, что миграции, являясь феноменами естественными и присущими истории человечества, представляют собой всесторонние тотальные социальные факты, которые обладают эпифанической способностью выявлять то, что уже вызрело в недрах общества как в странах происхождения, так и в стране прибытия, они показывают основные векторы и катализаторы побуждений, противоречий, стремлений этого общества. Догадка Маркса, согласно которой люди сами делают свою историю, но даже не знают об этом, может хорошо объяснить тот карстовый процесс, приводимый в действие объективной центростремительной

силой, порождающей или поддерживающей процессы ускорения и изменения, врожденную мобильность народов, великие переселения, которые являются не чем иным, как существенным и структурным компонентом демографического, социального, экономического и антропологического обмена. Это не механический и недетерминирующий действенный фактор, хотя он и не чужд человеческой воле и дополняет ее почти на подсознании. Он унаследован от кочевого образа жизни, присущего эволюции вида, и становится движущей силой и множителем тенденций и влияний.

Мигранты сегодня так же, как и в прошлом, в силу того, что они по своему объективному призванию удаляют то, что им близко, и приближают то, что далеко от них, становятся своего рода мощными клиньями, вторгающимися на территорию, тем самым соединяя сообщества и местности, подпитывая процессы обмена и создавая взаимозависимости, предоставляя и получая материальные и нематериальные блага: предметы, продукты питания, технику, обычаи и символы. Однако какими бы неравными и асимметричными ни были их отношения с представителями принимающей стороны, контактирующие культуры по-прежнему приводят к посредничеству, переговорам, скрещиваниям, пересечениям, перемещениям.

Следовательно, в антропологической динамике миграции нет ничего, что могло бы свестись к односторонним и однонаправленным схемам, вместо этого все должно прочитываться и разрешаться под знаком взаимности, трансверсальности, скорее объединения, чем разъединения. Вот почему не может быть никаких разночтений в отношении двух взаимодополняющих и единосущных явлений — таких, как эмиграция и иммиграция. И это касается не только случая, когда оба явления затрагивают одну и ту же личность — эмигранта до того, как он стал иммигрантом, но и более широкого контекста — когда оба эти явления взаимодействуют, влияют и объясняют друг друга с помощью своего рода механической обратной связи, ввиду того что все происходящее в месте прибытия, его причины и последствия уходят корнями в место происхождения и наоборот. И в результате понятия «здесь» и «там» переживаются и проживаются как временные и пространственные, сопутствующие и контекстуальные составляющие одного сценария, как места и события, сосуществующие и разворачивающиеся в рамках одной общей истории.

Сохраняя специфику статуса иностранца, мигрант сегодня имеет более широкую сферу деятельности и возможностей, чем в прошлом. Перед ним открывается выбор практик, моделей и норм, присущих большому количеству культурных миров, а не только местам его происхождения и нового поселения, в которых он участвует таким образом и в той форме, что сложилась во время глобализации. Мигрант больше не обязан выбирать между ассимиляцией и исключением из общества, ему даже больше необязательно считаться ростком, пересаженным на почву

мультикультурализма, принимающим и уважающим различия только в их явном и взаимном разделении. Сегодня эмигрирующий, следуя по транс-национальным маршрутам, как правило, вовлечен в своего рода бриколаж, в деятельность, связанную с посредничеством и переводом, разборкой и перекомпоновкой различных элементов, почерпнутых как из страны происхождения, так и с новой родины и других нематериальных или воображаемых мест. Теперь эта игра многочисленных идентичностей не воспринимается как потеря и не вызывает возражений, но видится как пластичный ресурс, вариант свободного выбора, мобильность и гибкость профилей.

Ретикулярная, или ризоматическая, система, если оперировать терминологией, предложенной Жилем Делезом и Пьером-Феликсом Гваттари (Deleuze, Guattari 1987), порождаемая миграцией, несмотря на преграды и стены, устанавливаемые национальной политикой, есть выражение субъективности иностранцев, которые сплетают новые связи, соединяют пространства, реконструируют и обновляют свое культурное наследие, создают семейные союзы и родственные цепочки, разрабатывают механизмы взаимной поддержки, активируют денежные переводы, разворачивают сети и центры связи, формируют интернациональную этническую экономику. Наиболее явно субъективность мигрантов выражается в их предпринимательской деятельности и изобретательности, в их умении делать капиталовложения и создавать коммерческие предприятия между двумя мирами (Ambrosini 2009), извлекать выгоду из этнических ресурсов, чтобы начать свой бизнес (например, открыть салон телефонной связи, бюро денежных переводов, магазинчик экзотических товаров, рестораны, небольшие рынки, уличные кухни).

В этой перспективе, которая объединяет и скрепляет то, что тяготеет к отделению, Средиземноморье во всем своем разнообразии и множественности представляет собой идеальную обсерваторию для деконструкции старых интерпретационных карт миграции и для испытания эвристических моделей сравнения культур. На горизонте этого моря вчерашний эмигрант и сегодняшний иммигрант предстают разделенными лишь коротким временным промежутком. Однако если мы бросим взгляд чуть дальше сиюминутных непредвиденных обстоятельств и позаимствуем у Ф. Броделя категорию «время большой продолжительности», за которой стоит медленная и растянутая временная и событийная продолжительность, то поймем, что потоки, текущие с южного берега до Сицилии, — это не что иное, как поверхностная волна самого большого и непрерывного человеческого движения, которая на протяжении тысячелетий пересекает в разных направлениях это пространство, являющееся, по словам Мориса Аймара, «полюсом притяжения и аккумуляции».

Если перемещения имели в истории и обратную направленность, то Сицилия всегда была в центре этого интенсивного движения, представляя

собой подвижный порог Европы, кроме того, она была воротами в северную Африку. История никогда не поворачивается вспять, но часто посещает одни и те же места. Таким образом, в трансграничном измерении Средиземноморья сегодняшняя иммиграция марокканцев в сицилийские города может рассматриваться как возвращение, если учесть, что в 827 г. группы берберов из Древней Ифрикии высадились на острове, положив начало его завоеванию. Но эта иммиграция может быть контекстуально прочитана как рефракционный, преломленный эффект давнего присутствия сицилийцев в Тунисе, зафиксированного уже на страницах «Декамерона» Боккаччо, где упоминаются христианские рыбаки Трапани, жившие и трудившиеся в мусульманской Ифрикии. Во время долгих пиратских войн князья и охотники на тунца, авантюристы и торговцы кораллами, сицилийские епископы и поэты, случайно попавшие в Магриб, задержались там достаточно долго, чтобы сделать его своей второй родиной. И уже позже, со второй половины XIX в. и до первой половины XX в., сицилийцы проживали в тех краях довольно крупной и трудолюбивой общиной.

Тот факт, что Тунис был землей итальянской и особенно сицилийской иммиграции, принадлежит разделу истории, который в литературе, посвященной эмиграции, остается по-прежнему маргинальным. Тем не менее только опыт миграции в Аргентину сопоставим с тунисским с точки зрения плотности миграционного пребывания, интенсивности контактов, экономического и культурного проникновения. Магрибская Африка в течение долгого времени воспринималась как естественное продолжение полуострова и островов, иногда принимая очертания обетованной земли, на которой можно испытать удачу. Жители Пантеллерии и Трапани добирались до мыса Бон (мыс Эт-Тиб) на борту небольших парусных лодок, и их спонтанная миграция часто была не совсем законной. Это явление, известное как кхарка (араб. *kharqa*), или переправа, не прекратилось даже в фашистскую эпоху, когда экспатриация из Италии была фактически запрещена. Сицилийцы были крупнейшим инородным сообществом, постоянно проживающим в Тунисе со второй половины XIX в., прежде чем страна попала под французский протекторат. Даже при французском господстве сицилийцам отводилось значительное социальное и культурное пространство между колонизаторами и коренным населением.

Рыбаки из Мадзара и Туниса, которые забрасывают свои сети в одно и то же море с одних и тех же утлых суденышек, не вспоминая и не осознавая этого факта, воссоздают жесты, совместно выработанные ими в составе их древнего союза, воспроизводя невидимые знаки и замыслы истории, вновь связывая нити того постоянного и обратимого движения, сотканного многовековой историей взаимодействия и взаимопомощи. По сравнению с прошлым характер и причины миграционных потоков, вероятно, отличаются, как, безусловно, отличается вес демографических

и экономических последствий нынешних миграций, в которых возрастает ведущая роль женщин, наблюдается беспрецедентный рост числа военных беженцев и детей без сопровождения, тревожит роль организованной преступности в торговле людьми. Однако этот узкий путь, называемый каналом Сицилии или Туниса (в зависимости от берега, с которого вы смотрите), продолжает оставаться центральным узлом сложной сетевой системы и того подвижного пространства, которое, несмотря ни на что, устраняет преграды и барьеры, перемещает горизонты и границы.

Если верно утверждение, что на Сицилии жив и продолжает существовать ислам, то еще более верным и полностью доказанным можно признать, образно говоря, присутствие Сицилии в исламе, несмотря на лакуны в историографической и культурной памяти. В изменчивых границах, которые очерчивают Средиземное море, в сферах торговли и в повседневной жизни Сицилия как гибрид Востока и Запада издавна говорила на лингва франка, в котором смешивались арабский и сицилийский языки. На Лампедузе, право на которую всегда оспаривалось разными народами и которая как сейчас, так и в прошлом была центром пересечений, маршрутов и высадок, находился священный грот, посвященный Деве Марии, которым до середины XVI в. моряки, христиане и мусульмане, возносили молитвы и оставляли votivные дары. Поэтому даже в культовых практиках Сицилия отличалась немалой открытостью и терпимостью. Если брать шире, то отметим, что эта кросскультурная и межконфессиональная проблема, как никогда актуальная в настоящее время, но искаженная в контексте сегодняшних отношений между исламом и Западом, в Средиземноморье всегда решалась в духе прагматизма и гуманизма. Тем, кто говорит о несовместимости культур, об их несокрушимой непримиримости, вероятно, следует напомнить об опыте арабо-нормандской цивилизации, вписавшей самую благородную и наиболее яркую страницу в историю Сицилии. Стоит также вспомнить уроки прославленного исследователя, «отца арабистов» Микеле Амари, который учил нас, что ислам — это не воплощение другого, не символ чужести или инаковости, что он в течение долгого времени был составной частью того замечательного сплава, который породил общий и неповторимый культурный язык, запечатленный в философии, искусстве, литературе и науках.

В своем осознании того факта, что при столкновении культур ничего не исчезает бесследно и что через несколько поколений любые различия перерабатываются и изменяются благодаря весьма своеобразному процессу долгих притирок и замечательного синкретизма, Амари хотел на понятийном уровне дать определение присутствию арабов уже не просто как механической их «бытности на Сицилии», но интродуцировав новое понятие «сицилийские арабы». Сицилийские арабы, или сицилийцы-арабы (а еще точнее — саккалианцы, жители *Imarah Saqqaliyya*, Эмирата Сицилии), создали тот особый универсальный образ острова, который

побудил писателя Леонардо Шаша утверждать, что сицилийцы начали вести себя как настоящие сицилийцы только после арабского завоевания. Сам Амари спрашивал: «Почему нужно отрекаться от славы арабов, если французы так гордятся происхождением от франков, англичане — от саксов, и даже лангобардское происхождение — предмет гордости северных итальянцев? Сегодня Сицилия без арабского завоевания, возможно, осталась бы такой, как Калабрия в прошлом и в наши дни... Арабы — то есть арабы и берберы, объединенные в одну нацию, — заняли эту землю, осели на ней, включили в свой состав часть побежденных, разделились на небольшие эмираты и, таким образом ослабив свою политическую силу, ускорили развитие новой цивилизации, а затем, снова объединившись под властью чужого, христианского господства, стали его главной силой. Почему Палермо был столицей Сицилии и континентальных владений? Лишь потому, что Палермо был важен для мусульманской Сицилии, а не в силу действия иных причин» (Amari 1854: 109).

Так писал Амари более ста пятидесяти лет назад, но, похоже, эти слова обращены к нам, современникам (и, в частности, к нам, сицилийцам), становясь своего рода предупреждением и наставлением. То, что Сицилия может принадлежать не только и не столько Западу, сколько прежде всего Средиземноморью, мы узнаем от этого исследователя, который глубоко и подробно изучил явление интеграции, укоренение Сицилии в систему исламских государств — так называемый исламский дом (дар аль-Ислам) у ворот Востока. Если перечитать сегодня написанную Амари «Историю мусульман Сицилии», которую писатель Э. Витторини назвал «услადой сердца», во всей своей сложности раскроется увлекательный «роман», описывающий хитросплетение сюжетных линий вокруг арабской и норманнской Сицилии, пересекающих все Средиземноморье в течение как минимум пяти веков. В истории, рассказанной Амари, Сицилия в значительно большей мере, чем Испания, играла роль важного перекрестка западной и восточной культур, сначала став арабской и оставаясь при этом латинской, а затем став нормандской, оставаясь арабской. Не случайно именно в Палермо долгое время и в быту, и в учебных заведениях, и в официальных документах использовали три языка: латинский, греческий и арабский.

В контексте броделианского концепта «времени большой длительности», которое мы отсчитываем с эпохи Асада ибн аль-Фурата, положившего начало арабской оккупации, и «дотягиваем» до времени Фридриха II и господства швабов, остров сохранял свое центральное положение в районе Средиземного моря, свое значение «молнии», объединявшей и разъединявшей сообщающиеся ареалы, будучи связующим звеном между ними, мостом и границей (араб. *thaghr*) между мирами, свободным проходом, ландшафтом, оживленным интенсивными осмотическими процессами. Трудно сказать, был ли век, который мы называем арабско-нормандским,

последним, принадлежащим классической цивилизации, или первым из современных цивилизаций. Мы знаем только, что этот недолгий по времени период объединял то, что мы сегодня видим разделенным, он обуславливал диалог между мирами, которые мы упорно объявляем непримиримыми, и является неопровержимым доказательством того, что говорить допустимо не о несовместимости цивилизаций, но, может быть, лишь об их несопоставимости. В мозаике контактирующих народов, где «идентифицируется» картографически Средиземноморье, Сицилия сама была мозаикой культур, которые иногда сосуществовали на равных, иногда накладывались друг на друга, накапливались и расслаивались, что делало остров «континентом в миниатюре», согласно общеизвестному определению Броделя. Поэтому речь идет не об идиллических сплавах в волшебных тиглях и не о выдуманных культурных гомогенностях, всплывающих в тенденциозных просредиземноморских риториках, но о союзах, сосуществованиях, сообществах, исторических эмпириях, которые превращают различные реальности в антропологические модели и идеальные наблюдательные пункты «для изучения сходства культур и их различий» (Signorelli 2007: 333).

От одного края Средиземного моря до другого то, чему способствовала история миграций и взаимных контактов между народами и цивилизациями (культурным встречам, взаимодействию и плавке), сегодня имеет тенденцию разрушаться. Противоборство этноцентризмов, фундаментализм и довлеющая тенденция к суверенности породили в нашем столетии взаимную враждебную слепоту, симметричное смещение зрения, глубокое недопонимание и непреодолимую пропасть между различными способами видения, осмысления и представления Другого. Иранский ученый Дарьюш Шаеган писал об «искалеченных взглядах». В наши дни между Тигром и Евфратом, между Красным морем и Персидским заливом, между Средиземным морем и Иранским нагорьем Восток и Запад смотрят друг на друга и соприкасаются друг с другом, но с трудом находят общие слова; здесь словно стремительно нарастают разногласия и нагнетаются геополитические и военные противоречия, культурные предрассудки и вековые конфликты, вызванные недопониманием. Термины, образы, концептуальные категории и нарративы, основанные на жесткой схеме манихейского дуализма, глубоко проникли в историю Ближнего Востока, который был колонизирован, раздроблен, разделен и управляем экономическими олигархиями и социальной аристократией у власти.

Глядя сегодня на это море, мы задаемся вопросом: куда делось то Средиземноморье, которое описывал Бродель, то межбрежное пространство, которое под разными небесами обладало пересекавшимися горизонтами, легко проницаемыми границами, гостеприимными и свободными зонами, системами и сетями связей, открытыми причалами и надежными укрытиями от столкновений? Общий фон заключал в свои

объятия народы, пересекавшие это море, некий инклюзивный дух, молчаливо приглашавший к диалогу, формировал и оживлял их сообщество и культуры, которые, даже учитывая неравномерность сил и напряженность конфликтов, узнавали друг друга в игре отражений, которая дополняла идентичности каждого из этих средиземноморских народов. Избегая риска впасть в эссенциализм риторических интерпретаций евроцентрического толка, надо признать, что Средиземное море — это память о многовековой истории встреч между морем и сушей, о переходах и границах, о приграничных сообществах, «выросших» на мобильности. Нет слов точнее и экспрессивнее тех, которые сказал Бродель, выражая саму идею этой сущности: «Средиземное море — это даже не море, но совокупность малых морей, испещренных островами, изрезанных полуостровами и выступами суши. Его жизнь связана с землей, его поэзия по большей части рустична, его моряки — крестьяне, это море оливковых рощ и виноградников, а также узких весельных лодок или круглых торговых судов, и его история неотделима от мира суши, обволакивающей его едва ли не более плотно, чем глина обволакивает руки гончара, который лепит из нее горшки» (Braudel 1976: XXIII–XXIV).

Что стало в наши дни с таласса, морем древних греков, тем материнским лоном, в котором укрывались изгнанники, архипелагом рассеянных островов, которые способствовали контактам между народами, переплетая пути движения и обмена между пиратами и колонами, мореходами и торговцами, путешественниками и паломниками? Что стало с теми городами-мирами-микрокосмами, описанными Боккаччо в «Декамероне» или Амитавом Гошем в его рассказах, в которых средневековое Средиземноморье было перекрестком плотной сети связей между континентами, а миграции представляли собой свободную и живую циркуляцию людей между общающимися берегами, а не потоки незаконных мигрантов — контролируемых, сдерживаемых, арестовываемых? Что осталось от горизонта воображаемого, от общей памяти символов и традиционного сосуществования культурных ценностей, несмотря на исторические и культурные различия между восточным и западным берегами этого моря? Как стало возможным, что это древнее пространство путей и передвижений людей, вещей, товаров, языков, идей, богов превратилось в периферийную маргинальную зону, в Геркулесовы столпы некоей крепости, требующей защиты, в неприступный вал, выстроенный на воде, чтобы остановить беглецов, страждущих и отчаявшихся?

То, что происходит в наши дни в Средиземном море, которое снова стало центром притяжения мировой истории, является драматическим результатом разрушительного смещения геополитических балансов, извращенного эффекта ложной глобализации, а также следствием отрицания и искажения давней пограничной традиции, которая предоставляла свободу передвижения как людям, так и материальным и нематериальным

благам. «После падения Берлинской стены главная граница между миром на этой стороне и миром на той стороне сдвигается прямо в волны того моря, что с древних времен называлось Срединным морем», — так журналист Алессандро Леогранде в своем последнем репортаже-эссе «Граница» говорит о «тектоническом разломе, который разделяет Средиземное море на две части с востока на запад. С Ближнего Востока до Гибралтара» (Leogrande 2018: 40). В тяжелое и запутанное время, которое мы переживаем, Средиземное море, похоже, превратилось в театр трагедии, в котором пишется сценарий границ и пределов в центре новой холодной войны между Севером и Югом мира.

Mare Nostrum рискует превратиться в *Mare Monstrum* (Море чудовищ). Кажется, сегодня оно как никогда раздираемо на части молекулярной фрагментацией всех суверенитетов, насильственной деструктуризацией и возведением новых стен и колючей проволоки, бесконечным и эпохальным рассеянием народов в драматическом и отчаянном бегстве из очагов войны, от Сахеля до Африканского Рога, от Ближнего Востока до Персидского залива. А что происходит в Сирии, Ираке, Ливии, Эритрее, Сомали или Йемене? Сколько сегодня халифов в исламском мире и какие из них обрели законный статус? Какую роль в военном плане против «крестоносцев» и «империи зла» играет палестинский вопрос? И, наконец, сколько сил — арабских и иных, западных и незападных — борется за господство и контроль над несложным и не поддающимся сборке месопотамским пазлом? У нас нет ни одного убедительного ответа ни на один из этих вопросов. Мы точно знаем, что следует сражаться с темным могущественным альянсом работарговцев, обладающих монополией на плавание в этом море, и с джихадистами, занимающимися завоеванием территорий. Мы знаем, что войны порождают массовые исходы и лагеря беженцев, что преследования порождают распад семей и миграции, что опустошение населенных территорий прогрессирует, заставляя сниматься с места обездоленных, молодых людей, которые ищут пути бегства, едва спасаясь от ливийской бойни, бросают вызов морю, пешком пересекают Европу, преодолевают стены и даже колючую проволоку.

Вокруг этого Средиземноморья, ошеломленного и вздыбленного политическими и военными интригами, чуждыми воле гражданского населения, которое в очередной раз становится жертвой истории преступлений и злоупотреблений, при полном отсутствии Европы и ее властных структур, глобальный контекст предстает в искаженном образе лоскутного одеяла, некоего балканизированного мира, лишённого центра и корней, который, апеллируя в своем мифическом воображении к образам вновь обретенных, омытых кровью и поработенных религий, кажется, желает обрести оправдание в логике экономизма или кризиса западной идентичности и власти. Богословие вместо секуляризации, суверенитет как барьер

против глобализации, этницизм как противоядие от омологации, эндогамия как крайнее убежище...

Пока Европа что-то лепечет и разделяется, свершается величайшая со времен Второй мировой войны гуманитарная трагедия. Преступление, которому нет названия. Невидимая и безмолвная депортация. Геноцид пропавших без вести. Пока Старый Свет строит укрепления, чтобы защитить крепость, тысячи беженцев, которые пытаются пересечь море, тонут, низвергаясь в темную бездну морской пучины. В перевернутом мире, населенном нами, война ведется против мигрантов, бегущих от войны, борьба обращена против бедных, а не против бедности; различия отмечаются, чтобы узаконить неравенство, а солидарность криминализируется, чтобы оправдать более циничные решения.

«С африканских берегов, где я родился, — писал Альбер Камю, — лучше видно лицо Европы. И оно, — добавлял он, — как известно, не столь уж прекрасно». Европа, увиденная Средиземноморьем, — это миф и предательство, надежда и разочарование. Парадоксальным образом мигранты, являющиеся самым глубоким шрамом, оставленным глобализацией, и самым тяжким бременем европейской совести, являются также главными агентами и референтами биографии межконтинентальности и кросс-культурности; они могут стать силой, возможностью, толчком, мотивом для возвращения идеи той Европы, которую мы потеряли; рычагом, который использует история, чтобы изменить политику европейского сообщества для того, чтобы оно наконец получило более широкий кругозор, выходящий за рамки национального эгоизма, вновь обрело бы свое первоначальное призвание и повернулось бы лицом к Средиземноморью. «Только Европа, способная признать за Средиземным морем свою колыбель и вернуться к тем берегам, которые слишком долго оставались на ее забытой периферии, смогла бы действительно найти свой “естественный” (с геоисторической точки зрения) центр притяжения, то море, в котором можно искать свое отражение не только с ностальгическим сожалением по поводу утраты главной роли в мировой истории, но с горделивой осознанностью того, что создано большее пространство, способное выполнять свою задачу по нейтрализации конфликтов и по предотвращению опасности столкновения цивилизаций» (Resta 2012: 104).

Генератор новой истории, место крупных политических и культурных экспериментов, это море породило цивилизации, предлагающие иную антропологическую модель по сравнению с той, которая была проникнута индивидуализмом и стандартизацией. Гуманизм, воплощенный в ценностях обмена и дара, гостеприимства и терпимости, духовности и ритуальности, — это ценный культурный капитал, наследие которого требует охраны и распространения, это достояние, состоящее из воспоминаний, традиций и связей, которыми мы не станем разбрасываться, если хотя бы

признаем, что в сущности волны этого моря таят память об околплодной жидкости, из которой родилась европейская культура.

Перед лицом и в столкновении с мрачными западными фобиями, логиками исключения и дискриминации, оправданными законодательной системой и приводимыми в исполнение при помощи военных патрулей, чтобы противостоять сторонникам узконациональной политики, которые, закрыв все порты и отказавшись от мигрантов, хотели бы загнать нас в рамки изнуряющей и удушающей изоляции, чтобы противостоять идее неокаролинской Европы, спрятавшейся в своем недалековидном страхе в бесполезный окоп, урок, который нам преподает Средиземноморье, как никогда ценен и актуален. Он учит нас, что в этом море, которое всегда бороздили корсары и крестоносцы, пираты и беглые рабы, колонисты и рыбаки, конфликты и войны никогда не могли остановить тот людской поток, что веками сближал средиземноморские берега. Об этом нам напоминают слова Матвеевича: «...границы Средиземного моря нельзя определить ни пространством, ни временем. Мы не знаем, как и каким образом их обозначить: они несводимы к границам отдельно взятого государства или к истории, они никогда не были ни государственными, ни национальными. Они подобны меловому кругу, который каждый раз рисуют заново волны и ветра, новые кампании и надежды, то расширяя, то сужая его» (Matvejevic 1991: 18).

Пребывая в тесных гетто, в которые нас хотела бы окончательно загнать свора националистов, мы рискуем выбросить из естественного закона тысячелетний морской закон, который предусматривает спасение утопающего вне зависимости от его паспортных данных, и исключаем из нашего идентитарного богатства как раз то, что действительно делает нас в высшем смысле слова людьми Средиземноморья, истинно гуманными. Тем же, кто думает, будто долг состоит в освобождении нашего моря от «варваров», которые пытаются высадиться на наши берега, и от обеспокоенных сообщников, спешащих им на помощь, стоит вспомнить слова писателя Клаудио Магриса из его замечательной книги «Бесконечное путешествие»: «Народам с одного берега часто кажется, будто народы с противоположного берега — варвары, опасные и полные предрассудков по отношению к тем, кто живет на другой стороне. Но если побродить по мосту туда и обратно, смешиваясь с теми, кто так же ходит с одного берега на другой, не различая уже хорошенько, с какой ты стороны и в какой стране, тогда можно вновь обрести доброжелательный покой в отношении самого себя и радость пребывания в этом мире» (Magris 2005: XIII–XIV).

Переходить с одного берега на другой всегда было привычным и банальным делом в средиземноморской жизни. Вот почему, если и существует понятие гражданина этого моря, мы должны ассоциировать и идентифицировать его с мигрантом, беженцем, вечным странником, с молодым человеком, просящим убежища, — символом постмодернизма,

постсовременности, личностью, задействованной в беспокойном поиске свободы и освобождения, активно выстраивающей процесс мобильности, способной подпитывать саму себя. То, что побуждает и подвигает мигрантов отправиться в путь, — это, вероятно, некая «способность иметь устремления», о которой пишет антрополог А. Аппадурай (Appadurai 2014: 258), или «способность ориентироваться, подпитываемая возможностью подвергать сомнению и опровергать реальный мир», культурный багаж, на базе которого возможно выстроить и определить свои ожидания. В бегстве от войны или голода мигрант все еще является субъектом, наделенным свободной волей, потенциалом свободных действий, личностными качествами, человеческими ресурсами, способным представить диапазон своих новых возможных жизней — своего рода «сад расходящихся тропок», если говорить языком Борхеса; мигрант осознает свои действия и поддерживается определенными лидерскими качествами, это отнюдь не лишенный идентичности безвольный индивид, которого бросает из стороны в сторону властный и неизбежный рок. Его бегство от катастрофы таит в себе также желание противостоять, продолжить путь в поисках иного, часто вопреки даже очевидности, желание, которое невозможно укротить как раз благодаря экстремальным условиям, в которых оно рождается и подпитывается.

Вместе со спасенными из моря беглецами из него черпается энергия мира, который не склоняется перед смирением, страданиями и витальностью людей, призванных вдохнуть жизнь и обновить кровь истощенного и обессиленного европейского континента, на котором наблюдается неумолимый спад, причем не только демографического характера. Прибывают жизни молодых женщин, а с ними и обещание будущих жизней, которые они несут в своем чреве, зарождающиеся жизни в качестве залога и надежды на инвестиции в единственный имеющийся капитал — людей. Как ни парадоксально, доказательством этому является драма, которая разворачивается в водах Средиземного моря, где, несмотря на отторжение и враждебность, проявляемые европейскими государствами, право на жизнь, жажда жизни, возможность планировать и выбирать свое будущее оказываются сильнее страха экспатриации, возвращения на оставленную родину и даже страха самой смерти.

В настоящее время, и без того насыщенное разными событиями, от нашего внимания ускользает, сколь глубокими во времени и в пространстве могут предстать последствия вторжения на этот окруженный подвижными границами шестой континент, состоящий из мужчин, женщин и детей. Нет и ясного понимания того, как, говоря словами Клода Леви-Стросса, «растет зерно», если образно говорить о незримом формировании новых горизонтов, которые определяют демографическую и антропологическую панораму наших обществ, «вписанных» в человеческий и культурный ландшафт наших городов. С одной стороны предстают

мигранты, выстроившиеся в длинную очередь, без пожитков — они прибывают с моря и просят убежища, с другой — иммигранты уже осевшие, пустившие корни вместе со своими семьями и детьми, подрастающими новыми поколениями, обученными, образованными и социализированными. Опыт и тех, и других подвергается сильному обобщению и искажению, анализ частных случаев субъективизируется, затемняется, минимизируется или подменяется представлениями, которые строятся на основе определенной политической риторики и запускаются в умы мирных обывателей. Не обладая правами и полномочиями «равного» и признанного участника переговоров, возможностью сопротивления в отношениях с организациями или сообществами принимающей стороны, прибывающие подпадают под формальный, ассимилирующий их подход, их включают в абстрактные этнические группы или идентифицируют с не менее абстрактными бюрократическими категориями «лиц, ищущих политического убежища», «беженцев» или «трудовых мигрантов». Они могут скрываться от долгов, быть нищими или просто африканцами (сенегальцами, суданцами, ганцами, тунисцами и т. д.), то есть жертвами, в отношении которых следует проявить милосердие, если они терпят крушение во время переправы, но внезапно все эти эпитеты рушатся и они превращаются в нелегальных мигрантов, если спаслись и выжили.

Правда состоит в том, что мигранты по определению преимущественно неуместны, символически, а часто и физически они находятся за пределами стен, они излишни, лишены какой-либо территориальной привязки, воспринимаются как чужаки и по этой причине становятся объектом риторики в лингвистических конструкциях, которые, описывая их, на самом деле говорят о нас. В научной литературе никогда не акцентировалась зеркальная функция миграции, а ведь этот феномен хорошо отображает социальную и культурную динамику, затрагивающую не только сообщества мигрантов, но и так называемое автохтонное население, в силу того, что наблюдатель сам является частью наблюдения, поскольку, цитируя Леви-Стросса, пытаясь узнать другого, мы часто не знаем самих себя. Вот почему изучение морфологии и эволюции иммиграции дает возможность поразмыслить, обратившись к призме двойного оптического и ментального смысла, о том, что происходит перед нами, а также и прежде всего внутри нас.

Это происходит ввиду того, что мигранты смотрят на нас и напоминают нам, кто мы. Они видят Старый Свет земель обетованной, они смотрят на Европу с надеждой и доверием и показывают нам, насколько слабы и лицемерны провозглашенная нами политика европеизма, та совокупность демократических ценностей и прав человека, которыми мы так гордимся, сколь противоречиво мы распоряжаемся наследием, зиждущимся на либеральных конституциях, международных женеvских конвенциях, универсальных принципах солидарности и гуманизма.

В недрах этого шестого континента, который поверх своего рода тектонического разлома безостановочно дрейфует, смещается, движется вперед в поисках не только хлеба, но и мира, свободы и достоинства, различаются отдельные индивиды, личности, там присутствует концентрированное выражение неповторимой особенности, для которой непросто найти точное этнокультурное определение. Если, образно говоря, выпарить этносы и народности, останутся их носители, их тела, которые, как напоминает нам Бенедикт Андерсон, отнюдь не являются всего лишь еще одной формой товара (Anderson 1996: 98). Мигранты приносят с собой воспоминания и обычаи, верования, музыку и дух, предметы и символы. На самом деле они не просто имеют тело, они сами и есть тело. И это тело претворяется в слово, превращается в преобразователя знаков, воплощает единственную сущность, в которую стоит инвестировать, чтобы подтвердить и засвидетельствовать свое существование, свою волю. Так, протестуя против длительного и невыносимого пребывания в специальных лагерях «временного пребывания», мигранты демонстративно нанесли себе травмы: зашивали губы при помощи нити с иглой или обжигали кончики пальцев, чтобы избежать дактилоскопии, тем самым прибегая к перевернутой идентификации и требуя ее. «Использование тела в “политической” функции эквивалентно принятию жертвенного пути. Нанесенная самому себе рана является крайней попыткой заставить признать себя субъектом, а не просто заключенным... Рана — это протест, выраженный через тело» (Le Breton 2005: 105–106). Подчиненное, раненое, изнасилованное, проституированное тело воплощает цену поездки, переправы, иногда являет собой своего рода последнее причастие, позволяющее избежать смерти и получить надежду на новую жизнь, — цену, которую нужно заплатить. Тело, превращенное в разменную монету на возрожденном рабском рынке, является не чем иным, как воплощением той «голой», без прикрас, жизни, того современного архетипа, который, как пишет Дж. Агамбен, «заменяет биологическое на социальное, подтверждая первичность естественной жизни перед политическими стратегиями» (Agamben 1995: 6).

Субъективность мигранта — неважно, идет ли речь об изгнанном из своей страны политическом эмигранте или просто мигранте, который ищет убежища или укрытия, спасаясь от войны или голода, — раскрывается и выражается в том числе и в том, как он ведет себя в местах временного проживания, представленных теми же центрами по миграционной политике; как он их обустроивает, персонализирует и приспособливает под себя среду, а не просто пользуется услугами по оказанию помощи ему как временному гостю, которые предоставляет система. В местах навечно временного и вынужденного пребывания, в ограниченных пространствах, в которых воспроизводятся скудные условия бытия, сведенные к минимально необходимым, где жизнь проходит в подвешенном состоянии

и ожидании сомнительной помощи, законного признания, в таких местах, чьи названия искажают истинное определение гостеприимства, — в центрах идентификации, задержания, высылки, в горячих точках задержания, то есть по сути в структурах, предназначенных для наблюдения, содержания под стражей и контроля, — во многих случаях иностранцы, как доказывают это примеры Сицилии, смогли сломать пространственную изоляцию, неповоротливость бюрократии, запрет на доступ к миру труда, воспринимаемый как состояние пустоты, зависимости, экзистенциального кризиса, и сделали это при помощи солидарности и объединения, вплоть до любопытных попыток организовать самоуправление. Заброшенные дома были отреставрированы и превращены в жилые помещения для беженцев, благодаря их вкладу были восстановлены традиционные полузабытые ремесла. Хозяева своей индивидуальности — почти всегда отрицаемой или униженной правилами аппарата власти, который в отношении мигрантов практикует политику инфантилизации, лишения ответственности и стирает в глазах принимающего сообщества все следы человечности, которыми отмечены «пришлые», — мигранты в определенных контекстах могут взять на себя соответствующую роль активного гражданина и в качестве представителей сплоченных и структурированных меньшинств получить общественное признание.

Глядя на жизни беженцев, разрушенные, растроченные на отчаянное бегство или на постоянное колебание в диапазоне от опасности к надежде, в то время как мигранты смотрят на нас и помогают нам понять, кто мы и в кого мы превращаемся, пожалуй, не лишним будет задаться вопросами о том, кто мы есть на самом деле, когда называем себя людьми, какой аспект гуманизма выражает современная культура, что скрывается за так называемыми гуманитарными инициативами, продвигаемыми нашими общественными институтами, что присуще человеку, какой концепт человеческой жизни мы медленно выстраиваем, какое восприятие и представление о жизни людей, их достоинстве и человечности. Ведь есть нечто, побуждающее главу Афинской православной церкви о. Иеронима сказать, что сейчас мы переживаем гуманитарное банкротство. Через понятия «гуманный/негуманный» по-прежнему реализуется и толкуется архаичная дихотомия «включение/исключение», воспроизводящая отношения власти. Стоит задаться вопросами — возможно ли еще принимать и уважать существование форм цивилизаций, отличающихся от напоминающих нас, есть ли место для каких-то иных форм, укладываемых в рамки универсальности человека при всей сложности и разнообразии его жизни и культур, в контексте самой идеи общей принадлежности и разделенной судьбы человечества?

И все-таки, принимая во внимание опыт мигрантов, их истории и взгляд, устремленный на множество миров и имеющий более широкие перспективы, можно вновь обрести то чувство жизни и те человеческие

эмоции, которые мы теряем или уже частично утратили. Для беженцев, переживших ливийскую бойню и кораблекрушение в море, жизнь и смерть предстают взаимоподдерживающими и подпитывающими друг друга, пребывая в странной взаимосвязи, в своего рода коротком замыкании, в парадоксе, вызывающем из забвения известное изречение Гераклита: смертью друг друга они живут, жизнью друг друга умирают. Опыт сосуществования бок о бок со смертью равноценен формированию субъективности, нацеленной на устойчивость, на эпифаническое открытие новых идентичностей, новых простейших и базовых форм человека и его бытия в мире. Если никакой закон не может научить нас быть и становиться людьми, возможно, мы призваны заново открыть причины и стимулы этого процесса через приближение к жизни мигрантов, то есть тех, кто ходит рядом со смертью, пребывает с ней в доверительных отношениях, в постоянном диалоге и кто не боится ее в тех провокационных ситуациях, которые на свет рождает ежедневно их существование.

Крушения и надежды, мечты и трагедии, скитания людей, уподобляемых скоту на бойне, набившихся в маленькую лодку или ветхое суденышко, бегство от погони и поиск ориентиров в безлунные ночи, лавирование между опасностями штормов и рисками встречи с береговой охраной, одиссея мигрантов, которых некий дежурный Харон швыряет в море и которые погибают в нескольких метрах от берега или спасаются благодаря виртуозным, сверхсильным действиям спасателей — все это было бы непонятно, если бы не проглядывала движущая сила какого-то проекта, желания или воли. Несмотря на болезненность разрыва и обременительность издержек, высоту риска и серьезность проблем, эмиграция сама по себе является результатом преднамеренного действия, выстраданного решения, реализацией плана, взятой под личную ответственность. «Эти лодки и их груз, — пишет Синьорелли, — делают значительно больший, по сравнению с туризмом или распространяющейся официальной информацией, вклад в дело сотворения пространства для встреч, обмена, циркуляции тел, слов и вещей. Эти обмены всегда асимметричны, неравномерны, часто несправедливы, но они конкретны и эмпирически выполнимы» (Signorelli 2007: 329).

В этом Средиземном море, древнем и вечно молодом, где все произошло, даже то, что еще должно произойти, люди будут постоянно преодолевать, пересекать и нарушать границы и пределы, будь они легко проницаемы или наоборот. Потому что здесь началась история цивилизаций, и через это море проходит еще судьба человечества. Здесь встречались Восток и Запад, евреи, христиане и мусульмане, и здесь вынуждены вести диалог Север и Юг этого мира — договариваться, балансируя между грубыми конфликтами и цивилизованностью, диалектически «спрямляя» и вновь запутывая эмиграцию и иммиграцию, воспоминания былого и сегодняшнее кочевничество, вчерашних и сегодняшних Улиссов.

Перекрышенные горизонты, образованные непрекращающимися приливами и отливами между бесконечными, одна за одной, волнами, путешествиями и паломничествами, бегствами и человеческими надеждами.

Перевод с итальянского С. А. Сидневой

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Agamben G.* Homosacer. Torino: Einaudi, 1995.
- Amari M.* Storia dei Musulmani di Sicilia. II ed. / A cura di C. A. Nallino). Catania: Romeo Prampolini, 1933. Vol. 1.
- Ambrosini M.* (a cura di). Intraprendere fra due mondi. Bologna: Il Mulino, 2009.
- Anderson B.* Comunità immaginate. Roma: Manifestolibri, 1996.
- Appadurai A.* Modernità in polvere. Dimensioni culturali della globalizzazione. Torino: Bollati Boringhieri, 2001.
- Appadurai A.* Il futuro come fatto culturale. Saggi sulla condizione globale. Milano: Raffaello Cortina, 2014.
- Augè M.* L'antropologo e il mondo globale. Milano: Raffaele Cortina, 2014.
- Aymard M.* Migrazioni // Braudel F. Mediterraneo. Milano: Bompiani, 1992. P. 219–241.
- Braudel F.* Civiltà e imperi del Mediterraneo nell'età di Filippo II. Torino: Einaudi, 1986. Vol. 1.
- Braudel F.* Il Mediterraneo. Milano: Bompiani, 1992.
- Bromberger C.* Alle origini dell'etnologia del mondo mediterraneo nella tradizione francese // Albera D., Blok A., Bomberger C. (a cura di). Antropologia del Mediterraneo. Milano: Guerini scientifica, 2007. P. 92–103.
- Cacciari M.* L'Arcipelago. Milano: Adelphi, 1997.
- Camus A.* Lo straniero. Milano: Bompiani, 2005.
- Cassano F.* Il pensiero meridiano. Roma- Bari: Laterza, 2005.
- Castles S.* The Factors that Make and Unmake Migration Policies // Portes A., De Wind J. (a cura di). Rethinking Migration. New Theoretical and Empirical Perspectives. New York & Oxford: Berghahn Books, 2007. P. 29–61.
- De Certeau M.* L'invenzione del quotidiano. Roma: Edizioni Lavoro, 2001.
- Deleuze G., Guattari E.* Millepiani: capitalismo e schizofrenia. Roma: Istituto Enciclopedia Italiana, 1987.
- Ferrarotti F.* La vocazione interreligiosa e interculturale del Mediterraneo // Dialoghi Mediterranei. 2020. Marzo. № 42. URL: www.istitutoeuroarabo.it/DM/la-vocazione-interreligiosa-e-interculturale-del-mediterraneo/#more-30562. (дата обращения: 21.08.2020).
- Galasso G.* La mobilità delle persone nel Mediterraneo. Qualche osservazione preliminare // Mediterranea. Ricerche storiche. 2006. Agosto. Anno III. № 7. P. 209–212.
- Guarracino S.* Mediterraneo. Immagini, storia e teorie da Omero a Braudel. Milano: Bruno Mondadori, 2007.
- Hegel G. W. F.* Lezioni sulla filosofia della storia. Vol. I / Trad. it. G. Calogero, C. Fatta. Firenze: La Nuova Italia, 1994.
- Herzfeld M.* Le rifrazioni etnografiche ed epistemologiche dell'identità mediterranea //

Albera D., Blok A., Bomberger C. (a curadi). *Antropologia del Mediterraneo*. Milano: Guerini Scientifica, 2007. P. 250–263.

Le Breton D. La pelle e la traccia. Le ferite del sé. Roma: Meltemi, 2005.

Leogrande A. La frontiera. Milano: Feltrinelli, 2018.

Lévi-Strauss C. *Antropologia strutturale*. Milano: Il Saggiatore, 1945.

Lévi-Strauss C. *L'antropologia di fronte ai problemi del mondo moderno*. Milano: Bompiani, 2017.

Magris C. *L'infinito viaggiare*. Milano: Mondadori, 2005.

Matvejevic P. *Mediterraneo. Un nuovo breviario*. Milano: Garzanti, 1991.

Molho A. *Comunità e identità nel mondo mediterraneo // Aymard M., Barca F. (a cura di). Conflitti, migrazioni e diritti dell'uomo. Il Mezzogiorno laboratorio di un'identità mediterranea*. Soveria Mannelli: Rubbettino Editore, 2002.

Resta C. *Geofilosofia del Mediterraneo*. Messina: Mesogea, 2012.

Shayegan D. *Lo sguardo mutilato. Schizofrenia culturale: paesi tradizionali di fronte alla modernità*. Milano: Ariele, 2015.

Signorelli A. *Postfazione a Antropologia del Mediterraneo / A cura di D. Albera, A. Blok, C. Bomberger*. Milano: Guerini Scientifica, 2007. Pp. 327–342.

Tedesco F. *Mediterraneismo. Il pensiero antimeridiano*. Roma: Meltemi, 2017.

Wallerstein I. *Il sistema mondiale dell'economia moderna*. Bologna: Il Mulino, 1982.

REFERENCES

Agamben G. *Homosacer*. Torino: Einaudi, 1995. (In Italian).

Amari M. *Storia dei Musulmani di Sicilia*. 2 ed. (a cura di C. A. Nallino). Catania: Romeo Prampolini, vol. 1, 1933. (In Italian).

Ambrosini M. (a cura di). *Intraprendere fra due mondi*. Bologna: Il Mulino, 2009. (In Italian).

Anderson B. *Comunità immaginate*. Roma: Manifestolibri, 1996. (In Italian).

Appadurai A. *Modernità in polvere. Dimensioni culturali della globalizzazione*. Torino: Bollati Boringhieri, 2001. (In Italian).

Appadurai A. *Il futuro come fatto culturale. Saggi sulla condizione globale*. Milano: Raffaello Cortina, 2014. (In Italian).

Augè M. *L'antropologo e il mondo globale*. Milano: Raffaele Cortina, 2014.

Aymard M. Migrazioni Braudel F. *Mediterraneo*. Milano: Bompiani, 1992, pp. 219–241. (In Italian).

Braudel F. *Civiltà e imperi del Mediterraneo nell'età di Filippo II*. Torino: Einaudi, 1986. (In Italian).

Braudel F. *Il Mediterraneo*. Milano: Bompiani, 1992. (In Italian).

Bromberger C. Alle origini dell'etnologia del mondo mediterraneo nella tradizione francese. Albera D., Blok A., Bomberger C. (a cura di). *Antropologia del Mediterraneo*. Milano: Guerini scientifica, 2007, pp. 92–103. (In Italian).

Cacciari M. *L'Arcipelago*. Milano: Adelphi, 1997. (In Italian).

Camus A. *Lo straniero*. Milano: Bompiani, 2005. (In Italian).

Cassano F. *Il pensiero meridiano*. Roma, Bari: Laterza, 2005. (In Italian).

Castles S. The Factors that Make and Unmake Migration Policies. Portes A., De Wind J. (a cura di). *Rethinking Migration. New Theoretical and Empirical Perspectives*. New York & Oxford: Berghahn Books, 2007, pp. 29–61. (In English).

De Certeau M. *L'invenzione del quotidiano*. Roma: Edizioni Lavoro, 2001. (In Italian).

Deleuze G., Guattari E. *Millepiani: capitalismo e schizofrenia*. Roma: Istituto Enciclopedia Italiana, 1987.

Galasso G. La mobilità delle persone nel Mediterraneo. Qualche osservazione preliminare. *Mediterranea. Ricerche storiche*, 2006, agosto, anno 3, no. 7, pp. 209–212. (In Italian).

Guarracino S. *Mediterraneo. Immagini, storia e teorie da Omero a Braudel*. Milano: Bruno Mondadori, 2007. (In Italian).

Hegel G. W. F. *Lezioni sulla filosofia della storia*. Vol. 1 / Trad. it. G. Calogero, C. Fatta. Firenze: La Nuova Italia, 1994. (In Italian).

Herzfeld M. Le rifrazioni etnografiche ed epistemologiche dell'identità mediterranea. Albera D., Blok A., Bomberger C. (a cura). *Antropologia del Mediterraneo*. Milano: Guerini Scientifica, 2007, pp. 250–263. (In Italian).

Le Breton D. *La pelle e la traccia. Le ferite del sé*. Roma: Meltemi, 2005. (In Italian).

Leogrande A. *La frontiera*. Milano: Feltrinelli, 2018. (In Italian).

Lévi-Strauss C. *Antropologia strutturale*. Milano: Il Saggiatore, 1945. (In Italian).

Lévi-Strauss C. *L'antropologia di fronte ai problemi del mondo moderno*. Milano: Bompiani, 2017. (In Italian).

Magris C. *L'infinito viaggiare*. Milano: Mondadori, 2005. (In Italian).

Matvejevic P. *Mediterraneo. Un nuovo breviario*. Milano: Garzanti, 1991. (In Italian).

Molho A. Comunità e identità nel mondo mediterraneo. Aymard M., Barca F. (a cura di). *Conflitti, migrazioni e diritti dell'uomo. Il Mezzogiorno laboratorio di un'identità mediterranea*. Soveria Mannelli: Rubbettino Editore, 2002. (In Italian).

Resta C. *Geofilosofia del Mediterraneo*. Messina: Mesogea, 2012. (In Italian).

Shayegan D. *Lo sguardo mutilato. Schizofrenia culturale: paesi tradizionali di fronte alla modernità*. Milano: Ariele, 2015. (In Italian).

Signorelli A. *Postfazione a Antropologia del Mediterraneo*. A cura di D. Albera, A. Blok, C. Bomberger. Milano: Guerini Scientifica, 2007, pp. 327–342. (In Italian).

Tedesco F. *Mediterraneismo. Il pensiero antimeridiano*. Roma: Meltemi, 2017. (In Italian).

Wallerstein I. *Il sistema mondiale dell'economia moderna*. Bologna: Il Mulino, 1982. (In Italian).

Submitted: 17.07.2020

Accepted: 23.12.2020

Article published: 01.04.2021